СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
Том 55 • № 6 • 1996

© 1996 г. Г. Ф. БЛАГОВА

О РЕГИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ: «БАБУР-НАМЕ» И «ШЕДЖЕРЕ- И ТАРАКИМЭ»

В статье сопоставлены два прозаических памятника тюркского средневековья, выявлены черты их типологического сходства, общность текстообразующих факторов (автор-повествователь и его коммуникативная установка, новаторство в формировании образа автора, новаторский образ адресата и новая модель отношения «адресант — адресат» и др.)

Two prosaic Turkic works of the Middle Ages are being compared. They are found to be typologically similar and have common text-forming characteristics — the author-narrator and his communicative purport, the novelties in creating the author's image, the novel image of an addressee and the new model of an 'addressee-addressor' relationship.

К 90-летию со дня рождения
Андрея Николаевича Кононова
(1906—1986)

Современная медиевистика придает большое значение «возможности выявить типологически сходные явления на сравнительно больших хронологических отрезках» [1, с. 319]. Разработка проблематики литературно-исторической типологии должна сопровождаться развитием научных представлений о преобладающем значении не тождества, а типового подобия изучаемых явлений литературного творчества [2, с. 37], шире — «типологических аналогий единого литературного процесса» [3, с. 300]. В то же время проблемы литературно-исторической типологии на материале тюркских средневековых литератур только начинают выдвигаться (см. [4, с.25 и сл.]).

С этой точки зрения немалый интерес представляет величайший памятник средневековой тюркской литературы «Бабур-наме» (рубеж XV—XVI вв.). Записки императора Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура, основателя династии Великих моголов в Индии, не без основания сравнивают обычно с Записками римского императора Гая Юлия Цезаря, невзирая на их хронологическую отдаленность: в обоих случаях новизна, автобиографичность, масштабность излагаемого материала сочетаются с жанровым новаторством. В тюркологии принято считать, что Записки Бабура, совмещающие в себе задачи исторического, публицистического и художественного повествований, по своему жанру стоят особняком в книжной системе тюркского средневековья. Два обстоятельства — вышеназванное, а также то, что свои Записки Бабур писал вдалеке от родины, в Индии — естественно, не могли способствовать популярности «Бабур-наме» в средневековой

Средней Азии [1]; соответственно немногочисленными оказались и списки этого памятника, происходящие из Средней Азии (притом, что поздние списки, как правило, имели своим „протографом" казанское издание 1857 г.). Во всяком случае С. А. Азимджановой [6, с. 10; 7, с. 10] были лишь названы два таких списка. По ее словам, «в 1714 г. в Бухаре был впервые приобретен Тимуром Пулатом список „Бабур-наме"», который затем переписал Г.-Я. Кер в Санкт-Петербурге [6, с. 90]. Вопрос о том, каким образом этот список попал к Керу, до настоящего времени не поднимался. Список Кера был издан Н. И. Ильминским в Казани в 1857 г. В 1995 г. составитель «Краткого каталога арабских рукописей и документов РГА ДА» (Археографический центр, М., 1996) Д. А. Морозов, обследуя рукописный фонд академика Г. Я. Кера, обнаружил записку этого ученого на арабском языке с просьбой предоставить в его распоряжение манускрипт «Бабур-наме» сроком на полгода (РГА ДА, ф. 191 оп. 1, ед. хр. 104, л. 8). Записка не датирована, без указания адресата, хотя и содержит некоторые косвенные данные, позволяющие сделать известные допущения. Поскольку, согласно архивным документам, на арабском языке Кер писал Муртазе Тевкелеву (брату генерал-майора А. И. Тевкелева [8, с. 20]), а также с учетом косвенных данных, содержащихся в записке, можно предположить, что и эта записка адресована ему же. Из этой гипотезы вытекает другая, а именно: что Муртаза Тевкелев, возможно, благодаря посредничеству брата к 1737 г., когда Кером копировался этот протограф, располагал либо списком, приобретенным в 1714 г. Тимуром Пулатом, либо другим каким-то списком, происходящим из Средней Азии.

Для постановки вопроса о «типологическом месте» (термин А. Н. Робинсона [2, с. 322]) «Бабур-наме» в кругу выдающихся эпических памятников, близких ему по времени, мы, к сожалению, не располагаем достаточными источниками. Остается продолжить намеченное А. Н. Кононовым сравнение (в плане языкового стиля) изученного им. «Шäджарä-и täрäкимä» (Родословная туркмен) Абу-л-Гази (середина XVII в.) [9, с. 117] и «Бабур-наме» (далее ШТ и БН). Прежде чем приступить к их сравнению, необходимо оговорить целый ряд важных различий между этими двумя литературными памятниками.

Эти два сочинения созданы в различных географических, временных, исторических и культурных условиях: БН — в первой трети XVI в., в Хиндустане (Северная Индия); ШТ — в середине XVII в., в Туркменистане. В БН и ШТ представлены разные типы литературного творчества, разные «типы художественного обобщения реалий и идеалов» [2, с. 8, 9], использован разный материал для художественного обобщения. В ШТ представлены «легендарная история», «генеалогически ориентированный историзм» (через призму религиозного мышления), благодаря чему автор был относительно свободным в тех или иных масштабах идеализации своих героев и в оценках их действий [ср.: 2, с. 41, 42; 10, с. 11]. Бабур с его приверженностью к реальной фактографии дал в своем сочинении литературное соединение автобиографичности, местами даже пронзительной лиричности и глубокого психологизма, актуальных социально-исторических проблем и объективно-идеалистического мышления (безусловная вера в божественное предопределение, в существование двух миров — высшего, вечного, «небесного» и низшего, преходящего, бренного, «земного»). Поскольку БН создавался спустя короткий промежуток времени после описываемых событий, а частично и сразу после них, автор не был свободным в масштабах идеализации своих героев и самого себя как повествователя, в оценках их и своих действий, о чем он неоднократно заявляет.

Огромна разница в размере и составе БН (525 страниц наборного текста) и ШТ (80 страниц наборного текста). БН соединяет в себе воедино все ком-

[1] Самый ранний по времени случай использования Записок Бабура в литературе отмечен Н. Д. Миклухо-Маклаем. Еще при жизни автора, когда были живы его связи с Центральной и Средней Азией, для ознакомления с Записками к индийскому двору Бабура прибыл персидский историк Хондамир. Целью его было внесение в текст собственного сочинения по всеобщей истории дополнительного материала, почерпнутого из «Бабур-наме» (см. [5, с. 239]).

позиционно-речевые разновидности текста: констатив (объективированный тип изложения с ключевыми формами 3-го лица) и перформатив (субъективированный тип изложения с ключевыми формами 1-го лица), а также, казалось бы, объективированный тип изложения с ключевыми формами 3-го лица, но при подразумеваемой субъектной отнесенности их к 1-му лицу (см. [11, с. 73 и сл.]). Столь же велики различия в истории формирования текста того и другого сочинения (о значении этого фактора см. [10, с. 81 и сл.]).

Перейдем теперь к системному анализу совокупностей сходных моментов определяющего значения в обоих памятниках, а именно сходства в их концептуальных моделях, влиянии семантического типа ситуации, понимаемой как своеобычная конфигурация ролей адресант — адресат, соответственно — известных схождений в стилистическом (и особенно лексико-стилистическом) плане.

Объектом нашего исследования явилась многочленная языковая ситуация, как она представлена в БН. Как известно, складывается она из цепочки коммуникативных характеристик, социально-культурных по своей природе, а именно: адресант (автор) — коммуникативная установка — адресат (читатель) — текст [12, с. 108]. Проведенное исследование позволило уяснить, в чем состоит своеобразие этого сочинения в отношении как жанра, так и стиля [11], объяснить, почему оно написано стилем, «лишенным всякого литературного щегольства» [13, с. VI][2].

Определяющим здесь является *личность автора*, который в жизни был не только недюжинным государственным деятелем и полководцем, но также одним из самых культурных людей своего времени, страстно увлекающимся литературой и искусством [15, с. 36, 57]. Он был поэтом-лириком, писателем — тонким стилистом, литературоведом, законоведом, по признанию современного историка — «даровитым, многогранным, критически мыслящим историком» [6, с. 11], взявшим на себя труд описать свои битвы и сражения в Мавераннахре, а затем и победоносные походы в Афганистан и Хиндустан (Северная Индия и Пакистан).

Бабур был незаурядной языковой личностью. Он пишет свои Записки-хронику по-тюркски и притом «стилем, далеким от неестественности и вполне понятным» [16, с. 8], в то время, когда языком двора и языком ученых, в том числе языком историков, оставался персидский язык. Языковое мастерство Бабура, выработанный им стиль дали основания современному переводчику БН назвать его автора «государем слова» (см. [6, с. 13]).

В БН представлен во всех отношениях новый тип автора-повествователя: не принадлежа к кругу придворных литераторов, не будучи зависим от меценатствующего феодала, султан Бабур давал читателям свое собственное «художественное исследование невымышленного» [17, с. 12], собственный «монологизированный взгляд на мир» [18, с. 165]. В результате текстом БН создается «образ эпохи и человека» [18, с. 179].

Значение личности автора сказалось и в выборе коммуникативной установки БН. Бабур преследовал вполне определенную и осознанную социальную цель — дать целое жизнеописание (начиная со своего вступления на престол) в выигрышной для автора интерпретации, т. е. показать своим современникам обстоятельства, которые вынудили его покинуть родные края и искать счастья на чужбине — идти походами сначала в Афганистан, мечтая о походах в Индию, а потом осуществить и эту заветную мечту, оправдать в глазах читателя свои поражения в молодые годы, обосновать завоевательные войны императора Бабура (см., например, БН 124, BN 101b).

Необычность жанра «Бабур-наме» для восточной литературы с ее традиционной системой жанров состояла и в том, что Бабур соединил в своем сочинении мемуары и дневник, элементы повествовательной прозы, энциклопедические сведения обо всех областях жизни описываемых им земель, элементы

[2] Мы будем ссылаться также и на другое издание «Бабур-наме» [14], обозначая его сокращенно BN.

публицистики, а также черновики писем и грамоты. Это соединение дневника, мемуаров, писем, грамот (документалистски сближавших событие с непосредственным впечатлением от него) и целостного художественного образа, прошедшего жесткую обработку мысли, позволяет отнести БН к так называемой промежуточной литературе (Л. Я. Гинзбург).

Именно благодаря сплаву этих разнородных элементов невымышленный факт «становится формой, образом, представителем идеи» [19, с. 11], достигается соотнесение содержания текста с теми объективными связями, отношениями, взаимодействиями, которые входят в общественное сознание своего времени. А это согласуется с тем новым для средневековой литературы типом читателя — любым «слышащим и видящим издалека и вблизи», «читающим и слушающим» (т. е. грамотным и не грамотным, а только слушающим чтение), на которого ориентируется Бабур и к которому он обращается непосредственно: oquγučy mä'zur tutsun ešitkuči tä'ärruz mäqamidin ötsun (БН 254, BN 201a) 'Читающий пусть извинит, слышащий пусть минует обиталище обиды'. Таким образом, новаторскому образу автора в «Бабур-наме» соответствует новый тип адресата (читателя), которому автор вполне осознанно предназначал свое произведение.

Сумев конкретно представить себе своего читателя, Бабур явно считается с его мнением: čun ḫan ata aγa durlar baryb mulâzimät qylsam ötkan kudurätlar räf- 'bolsa jiraqta jawuqta ešitur körarga jaḫšy bolγaj deb kelib... ḫanny mulâzimät qyldym (БН 39, BN 31b) 'Думая: «Поскольку Хан [мне все равно что] отец, старший брат, то если я пойду и стану ему служить, если минувшие огорчения будут устранены, будет [это] хорошо для видящего и слышащего вдалеке и вблизи, — я пошел..., стал служить Хану'; arada mundaqlar bolsa jiraqdyn jawuqdyn ešitkan körganlar ne degajlar (БН 197, BN 158b) 'Если такое случится между [нами], что скажут слышавшие и видевшие издалека и вблизи?' Как видим, для именования своего адресата Бабур применяет парные глагольно-именные словосочетания (ядерные глагольные основы: oqu- читать, ešit- слушать, kör- видеть); неоднократный повтор их привлекает внимание читателя, придавая такому словоупотреблению характерологический смысл.

Автор убежден, что его адресат — это люди, знающие дело и притом справедливые: на их «абсолютно справедливое ответное понимание» (М. М. Бахтин) он рассчитывает: ...wale iš bilur kiši alyda räwsän wa insafliq el qašyda mubin dur kim bu iš bila ol (BN 85a; bu) iš arasyda köp farq bar dur (БН 104, BN 85a) '...Однако для человека, знающего дело, ясно и людям справедливым понятно (очевидно), что между этим делом и тем делом имеется большая разница' (при сравнении собственных действий и действий Султан Хусейна в сходных, но не одинаковых обстоятельствах).

Апеллировать к своему читателю Бабура также понуждает особенность его коммуникативно-творческой стратегии, а именно широко декларируемое им твердое намерение писать только правду обо всех случившихся событиях. См. bu ajtylgan (BN 85b: deganlardin) γaraz elga saq̱-i käm urmaq emas bäjan-i i waqi' äji bu edi kim mäzkur boldy bu bitilganlardin (БН 105, bu ajtkanlardin) maqsud özini artturmaq emas rasti bu edi kim mästur boldy (БН 105, BN 85b—86a) 'Цель сказанного здесь не в том, чтобы ударить в людей камнем умаления; объяснение (описание) случившегося было таково, как [это] было упомянуто. Предмет желания написанного здесь не есть самовозвеличивание (букв.: повысить себе цену, см.: [Буд. I, с. 25]); истина была такова, как это написано'. Заботясь о восприятии читателя, Бабур стремится подробными описаниями и объяснениями очевидца упредить, а при надобности и устранить возможные сомнения: ḫatyrlarγa täräddud kečmagaj deb här ne waqi' bolγanyny šarh busuti bila bitidim (БН 398, BN 307a) 'Чтобы не заронить сомнений в умы, я с подробным объяснением записал все, что произошло'. В совокупности это составляет одну из подкупающих

черт образа автора БН — его доверительное отношение к читателю, который как бы активизируется и приобщается к задачам и целям автора-повествователя.

Все изложенное, равно как и частое употребление такой стилистической фигуры, как риторический вопрос (а любой вопрос подразумевает ответную реакцию), позволяет Бабуру добиться желаемого эффекта: ему удается дать почувствовать скрытый в сочинении диалог, иными словами, предложить новый для средневековой литературы тип отношения «автор — читатель».

Эта новация могла быть реализована только при условии доступности языка и стиля «Бабур-наме» среднему, рядовому читателю (и слушателю). И это условие было с успехом выполнено: «...излагая собственные впечатления своего автора, вполне перешедшие чрез его сознание, «Бабер-наме» представляет естественность, точность и совершенную гибкость языка» [13, с. II]. По словам Н. К. Дмитриева, живя в XV в., Бабур «умел излагать события обстоятельно, умел не только хвалить себя, но изображать и свои неудачи, умел говорить с читателем правдиво и достаточно объективно. В самом деле: не в этом ли состоит секрет его исторического бессмертия, секрет того, что люди понимают его творения уже в течение четырехсот лет после того, как они были написаны?»[3].

В целях достижения доходчивости его главнейшего сочинения — «Бабур-наме» — усилиями автора специально выработан средний стиль с набором весьма характерных лингво-стилистических признаков. В области лексики — это энциклопедический принцип отбора слов в сочетании с высоким уровнем пермиссивности (т. е. позволительности говорить в сочинении обо всем, высоком и низменном, что ни случается в жизни, называя вещи своими именами); эти два принципа дополняются третьим — сознательным «дозирующим» отношением к использованию фарсизмов и арабизмов. Два последних принципа антагонистичны принципу «изысканности» в отборе лексики, закрепленному за высоким стилем придворной литературы. Действием трех названных принципов отбора лексики в БН обеспечивается необычайное лексическое богатство памятника; приток новозаимствованной лексики из языков Хиндустана, введение в художественную ткань множества обиходных, а порою «низких» слов, в том числе пейоративной лексики (прозвища и клички, прямая ругань и брань, открытое поношение врагов и их приспешников — изменников и перебежчиков), что отмечал в своих архивных записях еще А. Н. Самойлович, см. [20, с. 70]. Вместе с тем язык БН совсем не так перенасыщен арабизмами и фарсизмами, как, например, язык прозаических произведений его старшего современника Навои. Именно на лексическом уровне в БН представлены многочисленные случаи пересечения стилей среднего и «низкого» (или «простого»), среднего и высокого.

Своеобразие и доступность синтаксиса БН состоит прежде всего в том, что, как отметил А. Н. Самойлович в архивных записях, «в языке Бабура сложных и больших периодов мало. Чаще всего встречаются слитные предложения с глаголами на -ub перед личной формой» [20, с. 69]. Велико здесь также число двусоставных повествовательных предложений с именным сказуемым [21, с.154]. Решительно отмежевываясь от привычной велеречивости придворной литературы, Бабур добивается снижения стиля широким использованием обиходноречевых оборотов и конструкций, равно как и такой яркой приметы разговорного синтаксиса, как парцелляция [11, с. 192 и сл.; 22]. В БН частотно присоединение самых различных синтагм — подлежащего, сказуемого (чаще — именного компонента аналитического сказуемого), дополнения, различных обстоятельств.

Названные синтаксические приметы среднего стиля в языке БН используются, как правило, не для стилизации прямой и диалогической речи (как, например, это имеет место в языке современных литературных произведений), но именно в самом повествовании, причем на общем фоне хорошо развитой союзной связи, сочинительной и подчинительной.

В области морфологии следует отметить высокую репрезентативность чуть ли

[3] Из официального письменного отзыва на кандидатскую диссертацию автора этих строк (1954).

не всего набора грамматических категорий и форм, их представляющих, частей речи, притом что многие из них в БН несут соответствующую экспрессивно-стилистическую нагрузку (например, целевое назначение употребляющихся здесь числительных самых разных разрядов — предельная точность изложения) [11, с. 297—298].

Все вышеназванные признаки позволяют обрисовать лексико-грамматические контуры той стилистической системы — среднего стиля, — которая представлена в БН.

Доминантой же этой стилистической системы являются наличие (помимо обычного объективированного повествования — констатива) и взаимодействие еще и таких двух типов повествования, как субъективированное повествование (ядерные единицы — подлежащие—местоимения 1-го лица ед. или мн. числа, личноглагольные сказуемые 1-го лица, посессивно оформленные имена, причастия) и формально объективированное повествование с неявной субъективной отнесенностью к 1-му лицу. Ядерными единицами этого последнего типа повествования являются отсутствие подлежащего (хотя имеется в виду авторское 1-е лицо), сказуемое — безлично-страдательный глагол 3-го лица нередко с прямым дополнением в вин. падеже, отсутствие посессивных аффиксов в составе имен, причастий, задействованных в подобных предложениях [11, с. 79—92; 22]. Ядерные единицы данного типа использованы в БН массово; сам же этот тип повествования призван языковыми средствами передавать «литературную скромность» автора [23, с. 286].

Используя слова В. В. Виноградова применительно к сказанному выше о стилистике БН, можно полагать, что индивидуально-художественная речь Бабура в этом сочинении вырисовывается как новая система эстетической организации языкового материала [24, с. 231]. Сколь высоко ценили современники БН, свидетельствуют слова внука писателя, Акбара: «Книга его, охватывающая периоды его царствования от начала до конца, написанная ясным, совершенным стилем, применялась в качестве руководства по управлению страной и носила характер закона» (см. [6, с. 13]).

В литературно-языковом отношении весьма показательны выводы двух отечественных ученых XX в. — издателей и исследователей средневековотюркских сочинений среднеазиатского региона; они сопоставили язык БН с языком сочинений, различных по своему жанру и принадлежащих разным, но более поздним историческим периодам.

А. Н. Самойлович, сопоставив БН с туркменской эпической поэмой XIX в. — «Книга рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттара [25], сделал такое заключение в своих архивных записях: «Язык Бабур-наме менее архаичен, чем поэмы Абду-с-Саттара!» [20, с. 69—70]. В данном случае можно с большой долей уверенности полагать, что туркменская поэма XIX в., написанная в традициях классической литературы и во всем следовавшая ее канонам, осталась за пределами какого-либо влияния БН.

А. Н. Кононов сопоставил с «Бабур-наме» всесторонне изученное им «Шäджäрä-итäракимä» 'Родословную туркмен' Абу-л-Гази (середина XVII в.). Предваряя собственный обширный «Грамматический очерк», приложенный к изданию сводного критического текста сочинения Абу-л-Гази, А. Н. Кононов писал: «При детальном ознакомлении с языком издаваемого сочинения Абу-л-Гази... приятно поражает простота и легкость языка, в сравнении с которыми даже *язык „Записок" Бабура кажется тяжелым и мало понятным* (курс. наш. — *Г. Б.*). Эта простота — лексическая, морфологическая, синтаксическая, — принятая в тексте, т. е. в живой ткани сочинения, в грамматическом очерке дает для глаза специалиста совершенно обратный эффект: все просто до примитивности, все знакомо до мельчайших деталей, нет ни „загадочных", ни старых, ни редких форм» [9, с. 117].

Простота и легкость языка в средневековотюркских сочинениях достаточно необычны — настолько, что сразу возникает вопрос: почему Абу-л-Гази писал тáк — через 130 лет после смерти Бабура? Ответить на этот вопрос можно,

обратившись к изучению системы отношений автор (адресант) — коммуникативная установка — адресат — текст в «Родословной туркмен».

При ближайшем рассмотрении бросается в глаза известная типологическая схожесть почти всех коммуникативных характеристик тех многочисленных языковых ситуаций, которые соответственно отражены в БН и ШТ.

Автором ШТ, как и автором БН, был государственный деятель, глава государства (хан хивинский) и вместе с тем человек образованный и просвещенный, владевший тюркским литературным (среднеазиатский тюркй), арабским и персидским языками. Наряду с законами, уложениями военного искусства и дипломатических переговоров Абу-л-Гази знал во всех подробностях историю «жизни и царствований падишахов Арабистана, Ирана, Турана и Моголистана за время от Адама до сего дня» [9, с. 19—20] и был хорошо начитан в исторической литературе (на арабском и персидском языках) [9, с. 21]. Не чужд он был и литературного труда, обладая «умением сочинять поэтические произведения всех родов: месневи, касыды, газели, мукатт'а и руба'и» [9, с. 20].

Вполне понятно, почему туркменские муллы, шейхи и беки, полагавшие, что распространенные в народе «Огуз-наме» полны «ошибок и друг с другом не сходятся», высказали именно Абу-л-Гази такую просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история». Уважив эту просьбу, он поставил своей целью составление «официальной редакции предания о происхождении туркмен, их развитии и размещении» [9, с. 20].

Абу-л-Гази выполнил эту задачу как историк: на основании главным образом устных рассказов он, по признанию выдающегося историка В. В. Бартольда, написал «специальное историческое сочинение о туркменах, какого ни об одном из других турецких народов нет» [26, с. 584]. Как и Бабур, он написал свое сочинение на тюркском языке, а не на персидском — традиционном языке исторической литературы.

Решение языковой задачи — выбор именно тюркского языка для общения со своим читателем — Абу-л-Гази сделал своей коммуникативно-творческой стратегией. Свою позицию в этом вопросе он излагает предельно четко: ... bu kitabni oquγučy wä tyŋlaγuči albata turk bolγusy turur bäs turklarga turkanä ajtmak kärak ta olarnyŋ barčasy fähm qylγajlar biznіŋ ajtγan sözimizni bilmasalar andyn ne hasil agär anlarnyŋ ičlarinda bir wâja iki oquγan 'aql kiši bolsa ol bilsa bilmagan köbniŋ qajsy birinä ajtib bildurur bäs andaq ajtmaq kärak kim jaȟšy wä jaman barčalary bilib köŋullariga ma'qul bolγaj edi (ШТ, 49—55) '... тот, кто будет читать или слушать [чтение] этой книги, конечно, будет тюрок, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно. А если нашу речь не понимают, то какая [от нее] польза?! Если же среди них [т. е. тюрок] и окажется один или двое грамотных [и] разумеющих и если они постигнут [смысл сказанного], то кому из множества неразумеющих они сумеют растолковать?! Следовательно, надо говорить так, чтобы все, хорошие и плохие, понимали, чтобы до их сердец доходило' (РТ, с. 36) [4].

Из приведенного фрагмента ясно, что Абу-л-Гази конкретно представлял себе читателя своей книги и стремился защитить его интересы, как языковая личность объединяя их со своими, авторскими интересами.

Как и в БН, в ШТ для именования адресата используются парные глагольно-именные словосочетания с ядерными глагольными основами oqu- 'читать', tyŋla- 'слушать', aŋla- 'разуметь, понимать'; допускается варьирование: bu kitabni oquγučy wä tyŋlaγuči (ШТ, 59—40) 'эту книгу читающий и [чтение] слушающий', tyŋlaγučy qarylar wä... aŋlaγučy jigitlar (ШТ, 568) 'внимающие старцы... и разумеющие юноши'; (ШТ, 630, РТ, с. 54; ШТ, 813, РТ, с. 60; ШТ, 1189, РТ,

[4] Здесь и далее ссылки на текст ШТ даются с указанием строки текста, а ссылки на текст русского перевода (РТ) — по изданию [9] с указанием страницы.

с. 71). Как видим, этими словосочетаниями и здесь обозначается тот же новый тип адресата, что и в БН (любой читатель — средний, рядовой).

Задача убедить именно этого читателя в правдивости излагаемого — одна из составляющих коммуникативно-целевой установки автора ШТ. Приведем только наиболее характерные примеры: imdi inal ḫanni ajturmiz teŋri bujursa inal ḫanniŋ zamanindin ta biz bu kitabni ajtγan čaqγača berber ajturmiz turur barčasy rast turur hič γäläty joq turur amma quzy jawy ḫan birlan inal ḫannyŋ arasynda neča jyl ötkanini ǯäzm ajta bilmajmiz andaq häm bolsa az ajtali šajäd köp ajtsaq jälγan bolγaj (ШТ, 670—675) 'Теперь, если будет угодно богу, мы расскажем об Инал-хане. Со времен Инал-хана и до времени, когда мы сочиняем эту книгу, [все, что] мы рассказали — все достоверно и нет никаких погрешностей. Но сколько лет прошло между Кузы-Йавы-ханом и Инал-ханом, — мы не можем определить. А если это так, то следует говорить [об этом] мало, если же скажем много, может статься, будет ложь' (РТ, с. 55); ol zamanda biz joq erduk činin wä jälγanyn ḫudaj jaḫšy bilur agär jälγan bolsa gunahi burunqy ajtqanlarniŋ bojnyγa (ШТ, 1269—1270) 'Нас в те времена не было; правду и неправду [только] бог толком знает. Если [это] неправда, грех за это [пусть падет] на шею тех, кто рассказывал об этом раньше нас' (РТ, с. 74); см. также ШТ, 683—686, РТ, с. 56; ШТ, 1109, РТ, с. 68; ШТ, 1142—1150, РТ, с. 70; ШТ, 1175—1185, РТ, с. 70—71.

Убеждая читателя в правдивости своего повествования, Абу-л-Гази обращается к нему напрямую, призывает его вступить в диалог: imdi bu sözini oquγan wä tyŋlaγan kišilar jaḫšy fikr gylyŋ (ШТ, 1188—1189) 'А теперь, читающие и внимающие этим словам, поразмыслите хорошенько' (РТ, с. 71); aj tyŋlaγučy qarylar wä aj aŋlaγučy jigitlar köŋliŋizni bu söz täräfiγa bek tutuŋ wä qulaqyŋyzny qojy salyŋ taqy bu sözga tüšunuŋ (ШТ, 568—569) 'О, внимающие старцы и разумеющие юноши, обратите сердца ваши к этим словам, внимайте им, вникните в эти слова!' (РТ, с. 52). Таким образом, и Абу-л-Гази «умел говорить с читателем правдиво и достаточно объективно», умел передать характер своего диалога с читателем. Из приведенного материала явствует, что здесь, как и в БН, представлен тот же новый для традиционной литературы тип отношения «автор — адресат».

И, наконец, последняя в цепочке коммуникативная характеристика — текст — также имеет известное сходство с текстом БН: Абу-л-Гази, как и Бабур, отвергает высокий стиль придворной литературы как не подходящий для его коммуникативной установки. Ему удалось уловить причинную связь высокого стиля с личностью автора, с местом его в социальной иерархии, с необходимостью поддерживать и укреплять достигнутое положение в придворной литературе: «Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрок, чтобы *показать народу свой талант и искусство* (курс. наш — *Г. Б.*), примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать или слушать чтение этой книги, конечно, будет тюрок, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно» (РТ, с. 36).

Со своим читателем, которого он конкретно представлял себе, Абу-л-Гази говорил языком простым, предельно ясным. Эта простота и легкость языка «Родословной туркмен», объективно охарактеризованные А. Н. Кононовым в цитированном выше фрагменте [9, с. 117], наряду с некоторыми лингвостилистическими признаками, которые нам удалось здесь вычленить, составляют важнейшие строевые компоненты среднего стиля. В лексике — это сознательное («дозирующее») ограниченное употребление арабизмов и фарсизмов, хотя, например, для имени Бога здесь реже используется традиционное и наиболее частотное в БН teŋri (ШТ, 13, 39, 86, 670, 1109) и даже ар. allah (ШТ, 1, 192, 194, 199) при абсолютном преобладании частотности перс. ḫudaj (ШТ, 11, 41, 59, 61, 63, 97, 109, 1150, 1181, 1269). В синтаксисе таким признаком является парцелляция (по А. Н. Кононову — «союзная пауза» [9, с. 171]), свойственная живому разговорному синтаксису. Примеры: oγly bar erdi 'osmán atly (ШТ, 1009)

'У него был сын, по имени Осман' (аналогичные примеры см.: ШТ, 384; ШТ, 473—474; ШТ, 515—524; присоединение синтагмы косвенного дополнения — ШТ, 1270). В морфологии таким признаком может быть отсутствие в «Родословной туркмен» архаических, редких, малоупотребительных, «загадочных» форм [9, с. 117]. А. Н. Кононов даже считал «язык сочинений Абу-л-Гази ... образцом узбекского народного разговорного языка, мастерски литературно обработанного их автором» [9, с. 116]. Нельзя не отметить, что средний стиль, выработанный Бабуром в БН, ярче и богаче по набору индивидуальных лингвостилистических признаков.

Вместе с тем наличие сходных строевых элементов в стилистических системах двух разножанровых прозаических сочинений, разделенных к тому же 130-летним промежутком,— БН и ШТ — позволяет поставить вопрос: возникло ли это сходство спонтанно или же в результате литературного влияния? Постановка таких вопросов, безусловно, связана с недостаточной разработанностью историко-литературных и историко-лингвистических проблем стилевого развития среднеазиатско-тюркских литератур, в частности проблем регионально-типологического сходства (термин В. М. Гацака — см. [27]).

Типологически сходство стилистических систем БН и ШТ может быть обусловлено сходством объективных условий, сходством многочленных языковых ситуаций, отраженных в этих сочинениях двух авторов (см. выше описания цепочек коммуникативных характеристик того и другого сочинений).

В то же время нельзя исключить и того, что новая попытка Абу-л-Гази обогатить систему стилей среднеазиатско-тюркской литературы могла быть вызвана стимулирующим влиянием литературного творчества Бабура (именно «Бабур-наме», в целом написанного в хиндустане), хотя доказательств этого нет: востоковедам пока неизвестно, насколько в средние века был проницаем территориальный барьер между Индией и Средней Азией.

Решить эти вопросы будет возможно только при специальном исследовании истории среднеазиатско-тюркской литературы в аспекте изучения соответствующих конкретных многочленных языковых ситуаций в сочетании с изучением стилистических систем каждого из авторов.

В заключение отметим: именно Бабур в средневековой тюркской литературе предвосхитил тенденцию сближения адресанта и адресата в ее языковом выражении. Проведенное сопоставление подчеркивает глубину и проницательность ума Бабура, который угадал перспективу последующего развития литературного языка и языкового стиля. Современное тюркологическое литературоведение, как представляется, все эти проблемы еще недостаточно включает в круг своего внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы V Междунар. съезда славистов//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1963. Т. XXII. Вып. 4.
2. *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.
3. Акты съезда: VI Междунар. съезд славистов в Праге. 1968 г. Прага, 1970.
4. *Тугушева Л. Ю.* Некоторые замечания о характере и направлении развития средневековой тюркоязычной литературы в Центральной Азии//Тюркология. 1992. № 5—6.
5. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Хондамир и «Записки» Бабура//Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
6. *Азимджанова С. А.* Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
7. *Азимджанова С. А.* О «Бабур-наме»//Бабур. 2-я книга. Ташкент, 1982.
8. *Ханыков Я. В.* Сведение о роде Тевкелевых и о службе Алексея Ивановича Тевкелева//Временник Имп. Московского о-ва истории и древностей Российских. Кн. 13. М., 1852. Отд. 3.
9. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана Хивинского. М.; Л., 1958.
10. «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования/Отв. ред. Робинсон А. Н. М., 1988.

11. *Благова Г. Ф.* «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. М., 1994.
12. *Степанов Г. В.* Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.
13. Бабер-намэ или Записки Султана Бабера/Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским]. Казань, 1857.
14. The Bābar-nāma/Ed. by A. S. Beveridge. Leyden; London, 1905.
15. *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М., 1975.
16. *Гийāсаддūн 'Алū.* Дневник похода Тимура в Индию. М., 1958.
17. *Гинзбург Л.* «Былое и думы» Герцена. М., 1976.
18. *Гинзбург Л.* Записки 20—30-х годов//Новый мир. 1992. № 6.
19. *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1977.
20. *Благова Г. Ф.* Из истории тюркской текстологии. А. Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.
21. *Назарова Х.* Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI в. Ташкент, 1979.
22. *Благова Г. Ф.* Приметы живого разговорного синтаксиса в языке средневекового памятника и проблема стиля//90 лет Николаю Александровичу Баскакову — друзья и коллеги. М., 1996.
23. *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
24. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
25. Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев/Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович. СПб., 1914 (Издания факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета. № 34).
26. *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа//*Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1., М., 1964.
27. *Гацак В. М.* Изучение региональных общностей и национального своеобразия фольклора//Основные направления в изучении фольклора. Тез. докл. Научного совета по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР. М., 1971.